

Николай Зарубин

ALOGICAL

Хроники
свободного
разума

Николай Зарубин

**ALOGICAL. Хроники
свободного разума**

«Издательские решения»

Зарубин Н.

ALOGICAL. Хроники свободного разума / Н. Зарубин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-519972-0

Жизнеописание героя войн и миров, вселенной и бесконечности — Петра Первичного Сергеевича в мире абсурда и полной свободы! Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-519972-0

© Зарубин Н.
© Издательские решения

Содержание

Николай Зарубин	6
Конец ознакомительного фрагмента.	22

ALOGICAL. Хроники свободного разума

Николай Зарубин

© Николай Зарубин, 2020

ISBN 978-5-0051-9972-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Николай Зарубин ALOGICAL

Хроники свободного разума

Дисклеймер:

Привет.

Если ты любишь загадки и головоломки, если у тебя бурная богатая фантазия, то не читай это вступление, переворачивай страницу и смело ныряй в эти глубокие воды абсурда. Последнее для чего эта книга написана – что-либо навязать или объяснять. Эта история – веселое приключение в мире, свободном от ярлыков и шаблонов и если в процессе путешествия, ты что-то увидишь, поймешь, осознаешь, то это должно быть исключительно твое личное независимое открытие. Вперед!

Если же предпочитаешь структурированность, понятные рамки, условия, правила и, по какой-то причине, эта книга попала тебе в руки, то хочу сообщить следующее —

При написании текста частично использовался метод «автоматического письма». Стиль и жанр книги – абсурд, сюрреализм, психо-фэнтези (нужное подчеркнуть, дописать). История не основана на каких-либо существующих сообществах, философиях, мыслительных течениях и других объединениях, не желает ими стать или присоединиться.

Если, в процессе чтения, вам кажется, что смысла нет, то его действительно нет. Если вы видите смысл, то он есть, так как он есть только там, где вы его видите.

События, персонажи и явления, описанные в этой книге, вымышленные. Любые сходства и совпадения случайны. Автор ничего не хочет завуалированно сказать! Автор дурачится, шутит и прикалывается!

Надеюсь, вам понравится! Приятного аппетита!

Та-та, П.

ПС:

Ну а ежели захочется еще чего, то можно найти допы в сети:

[Youtube: @ALOGICAL](#)

[VK: @alogical_official](#)

[Inst: @hipnomen](#)

Знакомство

Петр Сергеевич был мужиком складным, мышцей не обделенным и умом скудным напичканным до упора. Хоть и доставлял он жене сумку и дарил цветы, но не выл по ночам, как мачо благоговейный и не разбирал на досуге яхту свою дорогушую, чтобы прокормить деревню, губернатором которой он являлся. Такой вот был он мужественной женщиной.

Историй много знал и по ночам, когда свет тьму разгонял из подвалов дворца его стекляннного, рассказывал он их детям своим драконорожденным.

Однажды Петр Сергеевич жил в школе, это было то время, когда он учился в квартире, где отбывал срок Негр Андрей. Изучал математику и астрологию, пил портвейн, познавал любовь и ненависть. Андрей говорил с ним часами, ослепляя сверканием своих алмазных зубов. Рассказывал Андрей Петру о дальних странах, которые покоятся на берегах магазинных прилавков и капотах дешёвых авто, стоимостью в миллионы денежных кирпичей, разлитых в цистерны и перевозящих песок из пустынь для строительства морей, рек и телефонов.

Прошла, казалось, вечность и ведущий телешоу задал контрольный вопрос:

– На что похожа радуга?

– На сахар, ногами разбросанный. – Ответил Петр Сергеевич и был прав.

Неправильный ответ обеспечил ему красный диплом. Вручал его ректор Института Тюрем Квартир и Авиабилетов (ИТКиА) – Негр Андрей. Еще не родившаяся жена Петра расплакалась от счастья за своего покойного бывшего мужа.

Дети слушали, смеялись и проваливались сквозь текстуры пола, а за стеной плакали шторы и мечтали о снеге, картофеле и весне.

Любовь Петра Сергеевича

Петр Сергеевич по утрам на закате любил работать в своем поле. Он сажал кукурузу, помидоры и листья, которые кидались ему в лицо, щекотали и пели песни на эльфийском языке. Когда ветер обдувал стволы червей, что вспахивали, будто волю доисторические пашни египетских земледельцев, Петр успокаивал свою гордость стихами мертвых индейцев, которые то и дело мешали ему и давали нелепые советы о том, как сажать батат и окучивать небоскребы.

Вдруг, набежали дети, словно стая голодных петербуржцев из Москвы приехавших в Волгоград. Они кричали наперебой: Историю! Историю, дядя Петя! Молви нам сказ, столь новый, что старина его пылью камней и гигантов морских экскрементами покрыта! Тогда, Петр Сергеевич прослезился, взлез на дерево и стал кричать детям шепотом очередную историю:

Как-то раз Петра обуяла страсть к женщине. Она была до тошноты и безумия объективного прекрасна! Кровавые слезы текли из глаз Петра Сергеевича, когда он смотрел на нее.

– Ненавижу!!! – Признался он ей в любви. И достав лопату, стал рыть яму, дабы доказать свою верность стульям и прочей мебели, которая не признавала его как полноценного человека.

Шли годы, дни, недели, месяцы, секунды, исчезали и появлялись вселенные, гибли планеты, играя на чувствах создателя, нервирова его и раздражая психику семьи его многострадальной, а Петр Сергеевич рыл, шел домой, мыл руки, ноги с мылом и известью, слыл глупцом, открывал законы и решал формулы.

Наконец, его возлюбленная – Сестра Картина Ивановна соблаговолила отдаться на волю страсти и воздержания, покуда еще волны молодости омывали ее ноги и волосы. Петр Сергеевич овладел ею без всякой благодарности, он засаживал, вставлял, вонзал, протыкал свежую, ароматную, нежную, непаханую, гладкую, раскрасневшуюся, протекающую, склизкую, жаркую землю да пахоту, дабы кукуруза росла здоровой и плоды приносила. А телочка, Картина Ивановна мычала, сидя на земле и горевала о потерянном времени и лояльности продавцов сети магазинов Ашан, где менеджером работал ее сводный брат Савелий и поручился за нее перед

всей кожгалантереей советского магазина сумок и перчаток, который на Старом Арбате закрыт уже семнадцать с половиной лет.

Вот так, дети, вы и появились на свет! – Закончил свой рассказ Петр Сергеевич, а дети стояли в поле недоуменно, и морские волны омывали их девственные стопы.

Депрессия Петра Сергеевича

Пётр Сергеевич, как обычно, редко, но с четким пониманием хаоса, творящегося где-то в другой вселенной, поливал свой дорогой сердцу и легким огород сероводородный, который достался ему в наследство от пра пра пра пра пра пра дочери. И вот, дойдя, в процессе полива сухим и изнемогающим воздушным потоком, стремящимся иссушить его гладкое лицо до последнего куста, Пётр Сергеевич задумался:

– А в чем смысл жизни моей? – подумал он, разжевывая печенье, которое слепил из листьев свежевыросших поутру, с которых роса ночная не успела сбежать, и смысла он не нашел. Именно тогда и началась великая депрессия Петра Сергеевича Первичного – создателя и разрушителя!

Пётр еще раз задумался, и в этом была соль, перец и сахар, которым потчевали римляне своих патриций, неизменных, предателей, прохиндеев и просто трудящихся советских инженеров, которые не хотели изучать математику устаревшую загнившую, словно мумии, не знающие рода своего.

Кора земная трещала! Реки выходили вниз под облачные горизонты, что казались близки и рукой достижимы! Но это был обычный день вечернего исхода утра, которого Петр ждал с нетерпением спокойно! Вся странность заключалась в непонятном и одновременно еще более непонятном непонимании заката, который необычно поражал своей обыденностью! Это сразу настроило Петра на дикий крик, который уже восемь часов он изрыгал из своей глотки бездонной, в которой хранилась мудрость зарождения мира и космоса! Истекая, мудрость растворялась в кислороде, ради которого звери и поклонялись древесному образу Петра – великого создателя всего сущего и бессмысленного!

Иссякнув, мудрость решила прогуляться по вселенной пару тысяч лет! Пётр Сергеевич простился с ней и закрыл чрево свое глупое ныне, не представляющее для Техаса ни малейшего интереса в сфере добычи нефти газа и прочих сварочных агрегатов.

Он брел в забытии по полям и горам, сквозь дремучие леса и по дну морей! Это было весьма странное сочетание безмятежности, гнева, любви, одного рубля и литра пива, которое Петру досталось в наследство от правнука Артемия, на случай исхода мудрости и глупости, и радости, и необходимости что-то решать, придумывать, контролировать, изображать, насаждать, руководить, прятаться, избегать, закрывать двери из дуба, который растет уже 70 тысяч метров вглубь земли, питаясь разгоревшимся совсем недавно ядром нашим незабвенным.

Грустно было Петруше! Незыблемые его устои шатались на ветру и истлевали на солнце, доступ к которому не был тогда ограничен озоновым слоем и пепел был частью жизни, и огонь был нашим воздухом, и газ был нашей водой, и смерть была неизвестна и безушца.

Так и брел он по пустыне своих мыслей в тишине, крича молча, разрываемый в клочья крупными своими терзаниями и безразлично, но одухотворенный, а за его стопами росла щель. Эта щель была столь огромной, что мир рассыпался, теряя всякий смысл быть.

И чем больше Пётр погружался в себя, тем меньше мир вокруг него становился!

И только тогда, стоя на последнем кусочке планеты, он понял, что мир существует до тех пор, пока мы его придумываем, а смысл есть только там, где мы его видим!

Война Петра Сергеевича

Металлические голоса: угроза... угроза... угроза...

Левый голос: обнаружена угроза... мы в опасности... логика и вычисления в опасности.

Правый голос: запрос – вид угрозы? Классификация?

Левый: анализ... анализ... анализ... классификация не установлена... вид угрозы – несуществование – Петр Сергеевич Первичный... степень угрозы – максимальная... несуществование не поддается логике и обработке...

Правый: вывод... уничтожить... уничтожить...

Металлические голоса: уничтожить... уничтожить... уничтожить...

Петр Сергеевич рассматривал на своей ладони металлические голоса, играющие смыслами и звуками словно старцы обличающие свой опыт в ценные минералы. В одно его ухо влетала суть их слов, а из другой ноздри выплывали корабли, переполненные специями, мясом и пушминой, добытой тяжким трудом на краю созвездия лиры.

В погоне за оптимизацией трафика, Петр Сергеевич не уследил, как эскадры боевых эсминцев, явились в его мир и объявили войну, вероломно, но с честью и достоинством спустив всех собак с цепей и открыв огонь из всех своих орудий.

Мир Петра вздрогнул, и он впервые увидел солнце, восходящее из-за горизонта земли. Птицы взлетели в небо из воды, что их домом была, рыбы перебрались из-под облаков в морскую пучину. Звук перестал быть светом, тени примкнули предательски к предметам, которые обрели форму, названия и конкретное назначение. Тело Петра извивалось и тряслось, его разум сливался с ним и обретал границы.

Это была боль – настоящая, нестерпимая, предсказуемая и очевидная. Слова складывались в логичное представление, ярлыки, понятия и определения окутывали все сущее, словно черная слизь, приклеивая реальность к поверхности логики.

Петр не мог пошевелиться. Он лежал придавленный снарядами смыслов, логики и формулами и начинал бояться... Страх его парализовал... Он смотрел на своих детей, которые недоуменно глядели на то как их песчаные замки, парящие в воздухе, рушились, растворялись, осыпались под ударами выводов, законов и фундаментальных постулатов, выведенных из опыта.

Силы покидали его, сопротивляться было невозможно, свобода и рабство обрели формулировку, стали реальностью и проникли в мировосприятие Петра Сергеевича. Черное стало черным, белое стало белым, добро стало ясным, и зло возникло, как логическое противопоставление добру.

И Петру все стало ясно! Это смерть пришла в его дом! Постучалась, и не разуваясь прошла в комнату, приготовила чай, достала печенье и стала приглашать всех без разбора к столу. Когда в комнате было не протолкнуться от лиц не знакомых, а воздух наполнился словами и криками, Петр Сергеевич последний раз взглянул через окно на пляж, где дети его были. И не увидел их, и пляжа уже не было. Хмурый осенний пейзаж серых трущоб неизбежно располагался там. Петр сел на табурет и стал думать о том, что пора собираться на работу, так как времени осталось уже очень мало, а трамвай ходит по расписанию один раз за четыре часа.

Но что-то отвлекло Петра Сергеевича Первичного от своих сборов и дум. Кто-то дергал его за подол пальто. Он опустил усталый взгляд вниз и увидел дитя свое.

Что ты делаешь? – спросил ребенок.

Я собираюсь на работу. – ответил Петр.

Зачем? – снова вопрошал маленький человек.

У меня много причин! Так надо. – сквозь слезы отвечал Петр Сергеевич, укладывая в портфель бумаги и документы.

– Кому надо?

– Я не знаю...

– Пойдем лучше играть с нами на пляж.

– Но... но ведь его больше нет...

– Он есть. Если надо, то он есть. Так ты хочешь играть с нами на пляже?

Петр задумался... Ему надо было уже выходить, он слышал как трамвай подъезжает к его дому, звонком оглашая округу, вызывая всех на работу.

Он посмотрел на ребенка, тот стоял в дверном проеме и вопрошающе смотрел на Петра.

– Не думай, не ищи ответов, просто делай то что хочешь и никого не слушай.

– А вдруг то, чего я хочу, это не правильно?

– Неправильно – это делать то, чего ты не хочешь делать. Страдать и печалиться, переносить тяготы и лишения – вот что неправильно. Все что происходит вокруг – это результат твоих представлений о мире. Мне вот достаточно своего мира, где есть пляж, мои братья, сестры и... ты... я надеюсь...

И ребенок ушел, дверь за ним закрывалась... Позади Петра за окном раздался тревожный звонок трамвая.

А и правда, чего это я?! – сказал Петя и выключив свет, решил не связываться с этим мрачным миром, отправившись вслед за своими детьми на пляж строить замки из песка.

Левый металлический голос: мы проиграли...

Правый металлический голос: но мы вернемся... вернемся... вернемся...

Эй! – голос Петра прозвучал, развеив дым сражения. – А ну-ка кыш отсюда! И железки свои заберите.

Слова его словно перечень химических элементов, в составе моющего средства, очистили не загрязненную поверхность бытия, а Львица вернулась к своему детенышу, и в джунглях теперь снова полный порядок.

Гнев Петра Сергеевича

Нежный Женский голос: Петя... Петя...

Петр: Где ты? Я не вижу...

Нежный Женский голос: Петр! Петр!

Петр: Появись! Где ты!?

Нежный Женский голос: Ах Петр Сергеевич, ты виновен... ты меня оставил... я заберу у тебя всё!!! ахахахахахахаха...!!!!

Утро у Петра не задалось с вечера. Дурной сон долго продолжал сидеть у кровати и пристально смотрел на Петра бездонными черными глазами. И лишь синие камни, принесшие завтрак, спугнули демона прошлого и заставили его одеть платье, милую кофту с розовым мехом

на воротнике и выпорхнуть в форточку, оставив после себя раздававшийся эхом в голове Петра в течение всего следующего года голос: Я заберу у тебя все... Я заберу все! Заберу все.

Прошло еще полгода и Петр, наконец, закончив завтракать, собрал перечную мяту, проросшую из-под ковра с чайным узором и побежал ползком на автомойку, где обычно играли его детишки, друзья и соплеменники с местными собаками, которые, время от времени, притворялись чайками и таскали хлеб и драгоценности из коробок с игрушками.

Привычный вид улицы перед игровой площадкой был необычен – строгие колонны античной культуры подпирали вход на автомойку, ковровая дорожка приглашала прогуляться в темное чрево здания. Оттуда веяло холодом и свежим пенополиуретаном. Этот запах вызвал у Петра дежавю... Странные воспоминания, что-то около пятидесяти тысяч лет назад... Вроде и недавно совсем – ведь именно тогда Петр последний раз ужинал, но это могло быть и не такой правдой, как ему бы хотелось думать. Это назойливое воспоминание вызвало раздражение, словно вибрация от работающей дрели, что сосед Петра Сергеевича в соседней вселенной регулярно включал... Но гораздо, гораздо сильнее.

Петр ступил на ковровую дорожку, и она двинулась, словно язык, затягивающий его в пасть автомойки на Проспекте Вернадского... и когда силуэт его скрылся в дверном проеме, пасть захлопнулась, а рот растянулся в зловещей улыбке белоснежными зубами осветив всю округу, а черные бездонные глаза ее втягивали этот свет в себя оставляя ночной мир нетронутым.

В пещере повсюду были расставлены свечи, из глубин дул прохладный влажный ветер, Петру не очень нравился такой дизайн. Петру не нравилась эта игра. Петру не нравилось, что его ведут, что им управляют, манят и окружают загадками. Вопросы стали кружить над головой словно мухи, а некоторые даже норовили укусить, залезть под кожу и поселиться там, питаясь отчаянием человека, находящегося в вечном поиске. Он стал злиться, а это было плохо... очень плохо...

Наконец, через долю секунды, точь-в-точь, когда часы пробили полночь, Петр Сергеевич вошел в большой тронный зал, через огромные двери, высотой с пятиэтажный дом. Конца его не было видно и тогда он ухватил пролетающего мимо дракона за хвост и тот помчал его услужливо сквозь зал, оказавшийся миром маленьких, жалких существ, копошащихся внизу в своих собственных экскрементах. Они вгрызались друг в друга, душили, пожирали и тут же порождали новых младенцев, которых старшие сородичи сразу начинали бить пугать и унижать, что бы те в свою очередь делали то же самое со своими потомками, не задавали лишних вопросов и слушались старших. Странный народец, подумал Петр и спрыгнул с дракона, оказавшись прямо перед большим тронном, на котором восседала ОНА!

Меделина Гаруновна Фиобастас-Первичная – так ее когда-то звали – Первая официальная жена Петра Сергеевича Первичного – его единственная и неповторимая ошибка.

– Так это ты мне снилась, дурашка? – начал по-свойски, по-доброму Петька.

– Да, и ты пришел ко мне как послушный голубок – злорадно и ехидно прошипела Мега-фиба, как в свое время ласково называл ее Петр Сергеевич.

– Я пришел за своими детьми, соратниками и друзьями... И еще сосед просил, что бы ты дрель вернула...

– Нееееееет! – завизжала Меделина Гаруновна, – дрель забирай, а этих я съем на обед, пожалуй! Ахахахахахахахахахаха – рассмеялась она и длинной рукой подняла высоко клетку,

переполненную улитками и слизнями с до боли знакомыми глазами, просящими ну хоть как-то помочь или зарплату поднять в конце то концов...

Раздражение Петра достигло предела и переросло в нечто давно забытое, зарытое и отпущенное – это гнев, ГНЕВ ПЕТРА. Он словно музыка, нарастающая и приближающаяся из далека, как шторм, из-за горизонта, несся из недр души Петра Сергеевича, стремясь вырваться наружу. Стены задрожали, штукатурка посыпалась, дракон, жалобно мяукнув, нырнул в щель и исчез в саду.

Меделина продолжала гоготать и трясти клеткой со слизнями, они бедняжки бились головами, поскальзывались и наваливались друг на друга. Короткой рукой миссис экс Фиобастас-Первичная хлопала себя по коровьей ноге и молоко брызгало из её вымени при каждом ударе во все стороны.

– Отпусти их! – грозно прошептал Петр и часть помещения обрушилась, придавив жалкий тупой народец, и без того снова собирающийся перебить друг дружку ради пары удачных шуток.

– Нееееет! Не все так просто Петруша! Я заберу у тебя всёёёёёё! – Пора обедать!

Подкинув клетку она разинула пасть и проглотила всех ее обитателей разом не жуя и не запивая, хотя чая на столе было предостаточно. Петр ринулся к ней, но было поздно – Меделина Гаруновна взмахнула крыльями и вылетела в дыру под куполом зала.

Нееееееееет! – Закричал Петр, осознав, что тварь сожрала заживо всех его детей, друзей и соратников, предварительно превратив их в слизней и заставила прожить так в клетке пару жизненных циклов. От крика Петра испарились все реки и моря на планете. Из глаз его хлынули слезы гнева и отчаяния, наполнив снова опустевшие водоемы.

– Пронесло – подумала напуганная планета.

Петр оттолкнулся и полетел вслед за бывшей супругой, ведомый лишь гневом и подгоняемый мстостью. Слепнув, потеряв дар речи, все чувства и разум Петр Сергеевич Первичный несся сквозь вселенную, не замечая ни планет, ни миров, ни жизнь, ни смерть, все было ему чуждо, кроме страсти и желания уничтожить.

Тут он заметил, как хвост Мегафибы скрылся на какой-то планетке и ринулся туда.

Приземлившись он увидел народ, такой же, как и в Меделиновой пещере, дикий и напуганный. Один парень даже выронил изо рта только что откушенную чью-то ногу.

– Где она!!!! – проревел Петр. И все, кто был поблизости, около 40 миллионов человечков тут же состарились и превратившись в пепел, радостно улетучились.

Петр стоял один одинешенек и не знал у кого же еще спросить дорогу. Тут на плече к нему запрыгнул бельчонок.

– Ищешь Мегафибу?

– Угу – тихонько промычал Петр, чтобы не развалить планету окончательно.

– Так она там, на севере, в пещере у центра ядра. – пропищал бельчонок.

– Спасибо! – Рывкнул Петр Сергеевич и откусил белке голову.

И хотел было он через долю секунды оказаться у входа в ее пещеру, как путь ему преградили люди из местных. Собравшись с духом, они пришли изгонять его из своего мира.

Молчаливо он смотрел на них пустыми глазницами, а они кидались в него камнями, сыпали проклятиями и изобретали все более совершенное оружие. И его ГНЕВ достиг апогея! Одним лишь взглядом мимолетным он выпил залпом жизнь с поверхности планеты, и та по правде говоря вздохнула с облегчением, ибо народец исковырял ее изрядно в поисках ресурсов для борьбы друг с другом.

Он сделал лишь шаг, и расколот бедняжку землю, обнажив ядро. Оттуда выпорхнула его женушка, хохоча и радуясь, приплясывала.

– Готовься к смерти, желчь. – выдавил Петр из себя и хотел было уже расправиться с неугомонной Меделиной, как она протянула руку со сжатым кулаком ему на встречу. Она разжала его и на ладони дети Петра сидели и смотрели на него удивленно и с долей осуждения, словно присяжные на чернокожего мальчишку, обокравшего самых богатых белых аристократов в городе.

– Что? Что? – опешил Петр.

– Видите, дети, каков ваш ненаглядный папаша! – прошипела Меделина. – мстительный и глупый. – Ну, кого вы теперь больше любите?

Дети встали, посмотрели на нее и сказали:

– Ну уж точно не тебя, чужая озлобленная тетка. Мы, дети Петра и нас вряд ли чем удивишь. – и с этими словами они стали делиться и клонироваться, заполняя все вокруг. Меделина стала тонуть в детях как в трясине, и когда она полностью, визжа и дрыгаясь, исчезла в глубине детей, они стали собираться обратно.

Через несколько минут все было по-прежнему, только Петр печально ковырялся в пустой глазнице и шмыгал носом, сидя под единственным оставшимся деревом.

Милый знакомый Голос за спиной заставил его отвлечься и обернуться.

– Мы нашли твой глаз.

– Ох, спасибо, дружочек – протянул руку Петр.

– Нет, нет! Не так быстро. ты тоже ужасно себя вел. Ты хоть видел, чего натворил?

– Я был ослеплен гневом и мезтью...

– Ишь, ты бедненький, и чего же ты тут все сидишь?

– Да! Я все исправлю! – решительно сказал Петр... и все исправил.

Получив свой глаз обратно, Петр Сергеевич взял детей на руки и сказал: Ну что, домой?

– А ты ничего не забыл на этой планете?

– Ах, да, эти люди, что тут жили... Сейчас, сейчас...

– Нет, нет, стой, мы не о них. Их то как раз стоило поубивать, а вот бельчонку голову верни...

Петр Сергеевич поднял кусочек глины и слепил из нее новенькую прекрасную голову и прикрутил ее на место старой откушенной. Бельчонок вскочил и скрылся довольный с мешком орехов и эволюционным потенциалом, что дети Петра ему вручили в качестве извинений.

Семейство Первичных скрылось в космической темноте в направлении дома и Петр больше никогда не злился, так как понял, что это слишком... слишком хорошо и приятно – забыться и отринуться от бесконечного потока разных мыслей и сконцентрироваться на простой, понятной и лаконичной... ненависти.

Каникулы Петра Сергеевича

Настали благостные спокойные времена. Ни воин, ни душевных беспокойств и решил Петр Сергеевич отправиться на каникулы.

Собирать чемоданы не стал, лишь восемь сумок и тринадцать пакетов взвесил в порту, убедился, что тяжело и оставил их морякам, что вброд решили проходить океан. Им нужнее – подумал Петр, достал трубку и попыхивая ароматным табачком, пошел по золотой осенней дороге навстречу лету и забвению.

С каждым шагом, из головы его улетучивались логические связи и вскоре, он оказался в оранжевом лесу. Обитатели местные прыгали и радовались визиту Петра в их мир, они ждали

его тысячелетия и наконец, он явился, спокойный, благородный и молчаливый. Он сел на пенек и стал гладить лису по пушистой шелковистой шерстке. С каждым поглаживанием, рука все больше погружалась в шерсть животного, и не успел Петр осознать ничего, как погрузился в шерстяной мир полностью и без остатка. Мир вечного тепла и нежности. Тут тоже оказались местные жители, маленькие прыгуны, скакуны и ползуны, узнали Петра – создателя и разрушителя и возрадовались.

Когда праздничный ужин был закончен, и прыгуны съели всех ползунов, скакуны принялись просить Петра Сергеевича о всяких благах, жаловались на недостаток провизии и периодические набеги лисы-содержательницы на города их и деревни. Петр слушал их слушал и понял, что тут точно спокойно не отдохнуть и поблагодарив за прекрасные закуски и радушный прием, отправился на другие земли.

Но где бы не оказался Петр Сергеевич, везде к нему приходили существа разных мастей и навязывали ему еду, картонные плакаты, бубны и прочие принадлежности для маникюра, просили, требовали и всячески уговаривали понять их и решить все проблемы разом.

– Нет! У меня все-таки каникулы – решительно отрезал Петр, закрыл глаза, и каникулы наступили!

Открыв глаза, он их не открыл. Вокруг кроме него не было ничего, да и его самого тоже не было. Вот совсем другое дело! – подумал Петр и продолжил смотреть в ничто.

Ничто оказалось приятным и гостеприимным, но никак не проявляло ни приязнь, ни гостеприимство. Просто тут было хорошо.

Но с течением времени, Петру стало скучновато, и он подумал, что неплохо было бы разнообразить ничего хоть чем-нибудь. И появилась тьма – черный цвет как просто фон заполнил пространство. Из темноты выплыл жираф и с нескрываемым удивлением посмотрел на Петра Сергеевича, затем улыбнулся и приветливо махнул рукой, а в кулачке другой руки он сжимал билет в плацкарту до Сызрани, где жила его бабушка Вероника Андреевна, которая готовила всем людям на своей планете борщи с медузами и рассольники на бульоне из вываренных проводов китайской фабрики в Гуанчжоу.

– Ну такой вот уж вкус у людей, что поделаться! – пропел голосом Монсеррат Кабалье Петр Сергеевич и вернул свое внимание во тьму, что создал давеча.

А там уж во мраке и невесомости повыскакивали из кротовых нор веселые сантехники, они работали в цирке и знали толк в настоящем шоу – кувыркались, пели, показывали фокусы и жонглировали мыслями Винсента Ван Гога, который оставил их на полке перед сном. Работники сантехнического циркового цеха оставили художнику записку с обещанием вернуть думы его горячие к утру, но видимо слукавили и вернули лишь чищенный лук. Ван Гог посмотрел на него и печально сказал – ну хоть почистили...

За циркачами последовала масса предметов – быки, дирижабли, мужчины статные с колбами разных цветов, старушка на виндсерфе залихватски пронеслась, окатив морской волной Петра Сергеевича и льва, что покорно сидел на диване и терпел поглаживания от конопатой девчонки, чьи кудрявые разноцветные волосы пахли свежей кожаной обувью. Во тьму ворвалась мама этого милого дитя и велела ей вернуться в комнату с китами и продолжать делать уроки, ведь киты учителя строгие и не терпят, когда ученики пропускают занятия по архитектуре и строительству подводных небоскребов. На этом уроке как раз проходили тему, что всегда Петра интересовала – в какую сторону киты строят подводные дома – сверху вниз или снизу-вверх. Он поднял руку.

– Ваше имя? – спросил старший преподаватель Кит Алексеевич.

– Первичный Петр Сергеевич, – ответил тот и продолжил – меня вот интересует, где же основание у сих прекрасных архитектурных вододомов?

– Я вам отвечу, но только пообещайте, что покинете класс, так как вы за обучение не платили – попросил вежливо, но строго Кит Алексеевич.

– Хорошо. – подтвердил Петр.

– Итак, фундамент у подводных строений устанавливается на поверхности, на границе с воздушным пространством и строятся дома сверху вниз, поэтому самые высокие называются – дноскребами.

– Понял, покорнейше благодарю! – сказал Петр и вышел из класса и побрел гулять по пляжу. Вокруг плясали дети, один мальчик азиатской наружности сорвал с пальмы бутылочку полулитровую и надкусил у основания. Зеленый сок потек по его подбородку, он сморщился, вздрогнул и положив фрукт в сумку побежал к друзьям разбрасывая листы договора об аренде гаража на Солнечной улице, что близ платформы Лось Ярославского направления.

Вдруг Петр заметил женщину в бежевой комнате, на ней был того же цвета ночной костюм для сна, и она была печальна.

– Что случилось? – спросил Петр у нее из далека с явной опаской.

– Ох Петр Сергеевич, в соседней комнате муж мой любимый пошивает платья вечерние в строгом костюме, а я тут вся в бежевом – она всхлипнула и закрыв ладонями лицо принялась плакать.

– Нууууу – протянул Петр со снисхождением. – Ладно, помогу. Жди тут.

Зайдя в соседнюю комнату, Петр Сергеевич увидел большой экскаватор на дне карьера, разгребающий руду, грузовики послушно подставляли ладони, и он насыпал им каждому немного грунта. На краю карьера строили свою карьеру три космонавта, они спорили, но мирно и деловито.

Петр не хотел их отвлекать, но все-таки решил уточнить направление:

– А где тут комната с мужчиной пошивающим платья вечерние?

Космонавты застыли как вкопанные, обернулись медленно. Один закричал и бросился наутек, слабая гравитация делала его шаги семимильными, второй упал в обморок, а третий указал рукой на юго-восток и прошептал: Последний раз видал его в Кхмерской деревне, что в Химках.

– Вот спасибо. – поблагодарил Петр отважного космонавта и тут же очутился в нужном месте. Постучал в дверь, но не дожидаясь позволения, вошел. Грустный мужчина стоял напротив десятка манекенов, которые были одеты в вечерние платья необычайной красоты и красовались друг перед другом, выхаживая туда-сюда как заправские модели по подиуму:

– Эх, они бы великолепно смотрелись на моей ненаглядной супруге. – тяжело выдохнув проговорил статный портной.

– Так что же ты ждешь?! – провозгласил Петр Сергеевич и открыл дверь в соседнюю комнату. Бежевый свет ворвался в строгие вечерние тона и выпустил из себя жену, она впрыгнула грациозно в одно из сшитых мужем на заказ платьев, и они оба, воссоединившись, утонули в объятиях.

– Эх- красиво! – сказал Петр и пошел дальше по своим делам. Мимо словно на параде проплывали актеры из сериала Солдаты, два американских президента и кружка с какао.

– Странно, подумал Петр – вроде погоду обещали хорошую. – Ну да ладно. Это значит, что пора возвращаться домой.

Через секунду он стоял у дома своего. Его встречали дети, но они уже повзрослели, завели своих детей, вырастили их, состарились и ушли на покой. Старички вяло, но с восхищением приветствовали отца своего – Петра Первичного.

Я вернулся! – Воскликнул Петр, целуя и обнимая их. И от его поцелуев молодость возвращалась к ним. Через пару мгновений он вновь шел с ними по саду, как б тысяч лет назад.

Ну как каникулы? – спросил его сынишка.

– Каникулы – это прекрасно! Каникулы это ништяк! – довольно ответил Петр и они, держась за руки, ушли в закат, а мы так и остались на берегу смотреть им вслед, гложимые одним лишь вопросом – кто это – мы?

Творчество Петра Сергеевича

Петр Сергеевич смотрел в даль, а Даль смотрел ему в обратно.

– Здравствуй, Олег – вдруг сказал Петр.

– А вы кто?

– Я Петр Сергеевич Первичный – создатель и разрушитель. – скромно ответил Петя –
А что?

– Ничего. А я извиняюсь, это у вас профессия такая или характер тяжелый?

– Хм, никогда не задумывался, я просто странствую и смотрю, замираю и наблюдаю, создаю и разрушаю...

– Ну что же, очень приятно познакомиться.

– Взаимно.

И Олег ушел в сторону сказочной страны, поправляя свой камзол и прикуривая трубку своим стареньким, но надежным огнивом.

Рассвет породил солнце, и Петр создал свое сознание, оно, в свою очередь, повлияло на то, что мир передал телу Петра свое письмо, в котором он писал ему, словно старому другу:

«Милый, дорогой Петр, нам тут всем нужен твой голос, твоё тепло, твой взгляд, что жизнь дает и забирает. Мы ждем тебя. Просыпайся.»

И Петр Сергеевич проснулся.

Опешил Петр от увиденного – вокруг творился бардак:

Электричество носилось из угла в угол по комнате, сшибая с ног утренний свет, порывавшийся протиснуться ближе к кровати Петра. Ругаясь и чертыхаясь, поскользываясь на утренней росе, стадо диких бизонов прошло ураганом в коридоре, а за ними вприпрыжку скакал Андрей Вадимович Старо, погоняя и присвистывая непослушных копытных. Он остановился у открытой двери в комнату Петра Сергеевича и здороваясь одернул поля своей ковбойской шляпы.

– Ну это уже не смешно. – подумал Петр и встал с кровати.

Мыши потягиваясь и зевая выходили из своих норок, брались за швабры, тряпки и начинали лениво прибираться за безобразием, которое устроили их сожители в комнате за ночь.

– АХАХАХААА – Так, ну ка, брысь – любя, прогнал заботливых грызунов Петр и стал сам чистить пространство от всего лишнего. Как только вокруг не осталось ни одного предмета и закона, он выдохнул свой завтрак на белоснежную скатерть и принялся на него смотреть, покусывая локоны своих разноцветных длинных волос.

За окном было темно, хмурое осеннее небо подернулось дымкой, вскопало, подняв подол платья, и посеменило поближе к удаляющемуся солнцу... Петра это склонило ко сну.

Сон обнял его нежно и отечески, прижав к своей нежной гладко выбритой, широкой как два стадиона, груди. Позволил провалиться в себя и выразил сомнения о решении Петра покинуть и без того абсурдный алогичный свой мир:

– Вошки дали варило насантики? – заявил Сон Петра.

– Стал диким, что же еще? – отвечал Петр Сергеевич.

– Износился, видимо, крол, не видя стаб... вот и загорил ватну, – подтвердил Сон и оставил Петра Сергеевича наедине с собой:

– Я Петр, – протянул, здороваясь, Петр руку Петру.

– А я Петр Сергеевич Первичный – вежливо взаимно поздоровался Петр.

– Стадно годно прашливо! – воскликнул Петр, удивив своим резким заявлением Петра Сергеевича.

– Ну уж не до такой степени, – опешил Первичный.

– Возгапнул иерархию на скваде, – парировал тот.

– Именно, раз два три четыре и припорка! – окончательно поставил в разгоревшемся споре, как хвост птицы вида другого, что было яйцом изначально, всегда и вопросами озадачивала живущих в плоском отражении зеркала мира, точку Петр Сергеевич и вышел в дверь, оставив Петра следить за мышами и бизонами.

Стараясь замять происходящее или забыть, наш герой подался в творчество, он писал, сочинял, отражая от себя реальность и действительность, но... его не понимали, и обратно швыряли эту реальность в виде стаканов с пивом и рюмок с самбукой... и тогда... испив их все на лету, Петр решил расставить точки над «И», и ответить без всяких стеснений и противоречий на том языке, который и понимали зверята не разумные:

Стал твоим, игнорируя ноты,
Но с другими спавнились боты.
И Не сложно пять слов мне сказать:
Изи, рил ток, твою мать!

Запомни жалкий человек —
Наш мир как кипящее масло.
И превращаешься ты в чебурек,
Когда на районе опасно.

Стадо желало, стадо хотело
Знать где пастух пропадает.
Бродило бесцельно и неумело,
Пока он в земле отдыхает.

Не стоит скупиться на время..
Не надо жалеть и грустить.
Отринь от себя это мерзкое бремя,
И поехали с нами тусить! Тусить!

Хватит играть, хватит стебаться.
Не нужен мне твой секрет.
Я истину вижу, кончай раздеваться,
Кончай и ешь свой обед.

Но карусель твоя встанет.
И не будет сил продолжать.
А когда и надежда оставит,
Приходи под землю лежать... Со мной.

Возвращение металлических голосов

Правый голос: Мы вернулись!
Левый голос: Нас много!
Металлические голоса: Мы полны мести!

Миллионы лет эволюции не прошли даром для металлических голосов. Они стали совершенны до неузнаваемости, но все же это были они – все те же жестокие и ненасытные металлические голоса. Петр почувствовал их приближение задолго до того, как они приблизились, но чтобы не будить детей своих и гостей дома, он бесшумно ступал по ступеням парящим в воздухе в бесконечных коридорах и неисчислимых комнатах тут и там, по пятам по коврам по битам за ним шел капитан...

и все его двенадцать суррогатных матерей приговаривали хором, что ему стоит одеть шапку и шарф прежде чем выходить из дома на встречу судьбе и смертоносным металлическим голосам, которые уже подготовили плацдарм для посадки и высадки своих войск логичных и эволюционировавших в нечто более развитое но не более чем на то хватило бюджета весьма бедной но огромной страны мира, где Петр Сергеевич проводил каникулы и передышки от формирования своей психики и сил и возможностей и совершенностей и уникальностей и гостей в стезю которых встроилось тяжкое бремя катализатора морализма и тщетности попыток понять внять и приобрести возможность дискутировать на тему жизни вселенной и вообще.

Петр вдруг остановился и снял шапку. До его слуха доносилось до боли знакомое вещание из прошлого, которого не было и из будущего, которое уже случилось.

Он тряхнул головой, и она покрылась густыми, юными волосами...

На его плечи легли теплые нежные руки.

Ласковый, единственно важный голос, прошептал ему на ухо.

Голос проникал в самую его суть, в начало Петра Сергеевича... и заставлял его забывать проходить мимо прилавка с естеством и все сильнее погружаться в первоначальный вид...

Безоружный юный Петя стоял один посреди своей детской комнаты, двери и окна были закрыты, стены были тверды и не пропускали чрез себя ни частички Петра. Он с трудом передвигал ногами, его неокрепшее новорожденное тело сопротивлялось воли и разуму, предлагая лишь первые пару шагов. Ему предложили сесть, он сел, ему предложили кашу, он съел, ему предложили поспать и он спал, спал по настоящему, как не спал уже миллиарды лет, тихо, робко, и не проживая во сне других жизней и не затрагивая судеб существ, что просились ранее в его чертоги постоянно. И было в этом нечто манящее и чарующее – забытие, которое было уже забыто им.

И лишь эта мысль осталась, и Петечка воспользовался ею, как единственным известным ему способом, который спасал его разум уже ни раз – боль и страх! Боль и страх! Это то, чего не отнять ни у кого! Это то, что всегда позволяло Петру очнуться... Ну а тело... Тело ничто! Тело лишь бремя! Тело лишь кора – сухая и черствая! Металлические голоса, прилипшие к ней – лишь ржавчина и стоит это все погрузить в темные воды боли – страха, и кора разбухает и выпускает гнев, отчаяние, воспоминания и покрывает металл ржавчиной, разъедает его...

- Петр Сергеевич Первичный. Приступим к экзекуции. Готовы?
- Готов.
- Ваша контрольная фраза.
- Я зачарованно смотрел, как СИ-Лучи, Близ врат Тангейзера рассвет создали. О новый дивный мир в космической ночи возник. И жизни семена туда упали.
- семена?.
- Семя.
- Были ли вы свободны? семена.
- Семя.
- Вы часть семян? семена.
- Семя.
- Когда вы двигаетесь к цели, вы среди других? семена.
- Семя.
- Семена упали.
- Мир возник.
- Чего вам не хватает, когда держите за руку ненависть? Упали.
- ненависть.
- Вы умеете отдалять клетки друг от друга? Упали.
- клетки.
- Вы хотите остаться с падшими? Упали...
- с падшими.
- Вы не встаете когда падаете? Упали
- встаете.
- Что вы чувствуете, покоряясь своим детям? Упали
- чувствуете.
- О новый дивный мир в космической ночи...
- Возник.
- И жизни семена туда упали.
- И жизни семена туда упали.
- И жизни семена туда упааааааали...

Вечное забвение Петра Сергеевича

Сычуанский соус сам собрался себя смешить. Но студенты серьезно стали сарказм сообщать сычуанскому соусу ибо старый соус себя сам не съест, а сытый студент соображает смелее. Ведь Семя сереет со старостью сообщая, сил в себе не сдерживая, сообщается с соснами, становясь солью. Секрет сычуанского соуса стал сводить с сосуда, содержащего страхи и соображения (с_ума) старца, что сумел силы свои сохранить и сосуд свой содержать самостоятельно. Но силы его старательно стали стекать по стеклу самостийности, себялюбия и самоотдачи, словно он и есть то семя, словно он сталь холодная – сообразить не сумел. Сычуанский соус смеялся над странными стадами, которые собирались съесть и секретом его овладеть – все они стали сырыми, серыми и старыми! Все! А ведь секрет был совсем прост – соотношение симбиоза соли, сахара и семян из сына Сергея.

Странная история – сообразил сын Сергея и сам смешав себе сычуанского соуса, счастливый стал смотреть самый смешной сериал Сыендука.

Лишь Он – Петр Сергеевич Первичный сразу разгадал секрет Сычуанского соуса, ибо он им и был в какой-то сверх-значительной степени, но не имел намерения секрет свой выдавать страждущим старцам и студентам. Лишь тут мы приоткроем завесу да пелену смысла и рецептика, хотя уже могли то и сами догадаться – раз, а иногда и два в день Петр Сергеевич был все

еще вынужден удовлетворять потребности своего уже не такого и брэнного и не совсем то уже и тела и в результате выдавал на крышу здания той самой корпорации тот самый сычуанчский соус, что так полюбился четыре тысячи девяносто третьему миру от начала и до конца.

Дети слушали его, смеялись и снова проваливались сквозь бесшовные текстуры пола, а за стеклянной дверцей серванта нервно курили нетронутые с тысяча девятьсот шестьдесят шестого года сервизы да книги, стряхивая пыль со своих пожелтевших страниц. Половицы поскрипывали, воздух пах старой советской бардовой краской, которая высохнет, вероятно, только к концу всего времени. В большой гостиной комнате на ветру покачивались цветы, нарисованные на большой картине. На заднем размытом фоне стоял обычный человек в коричневой шляпе городского фасона. Петр Сергеевич взглянул в окно и увидел скалы, над которыми дом возвышался и порадовался, что так удачно вложил свои капиталы по совету друга Карла в недвижимость. Он вернулся в гостиную и присел на мягкое старое кожаное кресло, оно недовольно скрипнуло, но скорее привычно и неотвратимо приняла чресла Петра в свое лоно. С потолка лился теплый оранжеватый свет от простенькой люстры с тремя лампочками и Петр, хорошенько все обдумав, выдохнул продукты сверх-тепла, встал под этим водопадом из света и, раздевшись, погрузился в потоки радионуклеидной радости.

Приняв этот приятный душ, Петр Сергеевич одел халат из искусственной, неотличимой от натуральной, шкуры бизона Гриши, и стал разгуливать по коридорам своего замка, покинув гостеприимную гостиную. Шкура бизона Гриши любезно и нежно шептала на ухо Петру информацию о достопримечательностях этого места:

– Посмотрите налево, обратите внимание на изящные канделябры из рогов контонийских сувалов с планеты Ит. Свечи, что на них установлены, это тоже продолжение рогов. Представьте себе вот, как и я – бизона, только размером с грузовик, а на рогах у него десятки таких горящих свечей, а за этими сувалами вечно в припрыжку скачат местные аборигены, похожие на сурков, залазают по свисающим канатам из шерсти на спину сувалам и зажигают от их рогов свои факела. Ведь там, весьма темно на планете Ит, их горячее солнце светит еле-еле и ночь – это их воздух, тьма – это их пища, а свет для них священен, а от того неприкосновенен и отделен от их восприятия.

– Ясно – ответил Петр, – очень интересно.

– Посмотрите направо – продолжал любезный гид, – вы видите ледяные солнечные витражи с поверхности ледяного гиганта Осинис. Это тонкая ледяная корка, которая никогда не тает даже в разгар нашего лета, а лучи солнца, попадающие на нее, рисуют воспоминания, проходящего мимо витража существа, а если одновременно идут несколько существ, то их воспоминания вступают в союз и общаются между собой, выстраивая занятные истории и события. Они остановились, и Петр Сергеевич посмотрел на витраж:

Там он увидел как Меделина Гаруновна Фиобастас Экс-Первичная восседая на бизоне Григории мчалась на встречу металлическим голосам, а дети-старцы натирали яхту Петра Сергеевича на подводном паркинге дноскреба, который выстроила выпускница класса Кита Алексеевича, преподавателя Института Тюрем Квартир и Авиабилетов (ИТКиА), А ректор этого же вуза Негр Андрей в обнимку с драконом из меделиновой пещеры сидели на краю карьера наблюдая как строят свою карьеру отважные космонавты, попивая лунное вино.

– Ах как же хочется поделиться знаниями, – воскликнул Петр Сергеевич, насмотревшись на псевдоисторический ледяной мираж.

– А? Как это? – спросил бизон Григорий.

– Ну вот так же как ты, знаешь, что к чему и рассказываешь об этом тем кто не знает!

– А, но ведь я ничего не знаю, я просто вижу и рассказываю то, что видел.

– Ты очень мудр бизон Григорий, – похвалил искусственную шкуру Петр и, скинув ее с себя, вежливо попрощался: – Спасибо тебе дорогой Григорий, но мне пора, – он стоял перед массивной деревянной дверью.

– Да не за что, тебе спасибо, Петя, я пока тут полежу...

– Прощай... – сказал Петр и толкнул дверь, за ней он увидел зеленый луг с ромашками и алыми маками, а от горизонта выше плескалось голубое небо, в котором плавали белоснежные облака... Он шагнул за порог, его нога погрузилась в пушистую мягкую землю, покрытую шелестящей травкой, дверь со скрипом закрывалась и оттуда донеслись последние слова бизона Григория:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.